

ТАША ТРАЙМЕР

16+

ТАША

ТВОЕТО СЕРЦЕ

Таша Траймер
Тепло твоего сердца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Траймер Т.

Тепло твоего сердца / Т. Траймер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что значит – быть некромантом? Дьюар обучается этому ремеслу без малого восемь лет, но до сих пор так и не нашел ответа. Он отчаянно ищет собственный путь, отличный от пути наставника, но опасности и сложности, которые его подстерегают, порой невозможно преодолеть в одиночку.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Часть 1

Эдория оказалась капризной, как знатная девица на выданье. Это был самый южный порт империи и самый разномастный город, на узких улочках которого порой мирно – а порой и не очень – соседствовали бедные рыбацкие домишки и дорогушие двух- а порой и трехэтажные таверны, лавки, бордели, а где-то между причалами и лавками тянулись нескончаемые шеренги складов. Это был город, в который ехали все – поторговать, найти корабль в южные земли или нанять дешевую прислугу, но при этом никто не хотел здесь жить. Переменчивая, то слишком жаркая, то слишком холодная погода, постоянный запах рыбы над улицами и удаленность от столицы сделали свое дело, превратив Эдорию в место временного паломничества.

Дьюар не знал, для чего они с учителем приехали сюда, но уже давно был наслышан о странностях здешних нравов, широте рынка и доступности эдорских девушек. Все эти богатства предоставились ему в полной мере, смутив шальное юношеское воображение в тот момент, когда наставник неопределенно махнул рукой, позволяя идти, куда вздумается, лишь бы не путался под ногами. Улицы манили своей шириной и неизвестностью, приоткрытые двери таверн соблазняли восхитительными запахами, а день меж тем только начинался.

Резвый ветер нес с побережья запахи свежей рыбы и моря. Ведомый им, Дьюар вскоре добрался до центральных улиц, где Эдория представала во всем своем многообразии. С одной стороны, на дальнем возвышении, виднелся шпиль, метящий в самое солнце – дом наместника выделялся среди прочих с самого первого взгляда, а стоило подойти поближе, как бросались в глаза громадные беломраморные колонны, подобных которым не было во всей Эдории, и неумеренная лепнина, густо оплетающая стены. Напротив словно из самой земли вырос храм Четырех богов. Грузный, основательно угнездившийся посреди площади и призванный наводить трепет, он сурово смотрел сквозь узкие окошки, в которых мелькали огоньки-зрочки. По обе стороны от высокого крыльца из стены выступали четыре статуи, возвышающиеся на два человеческих роста. С удивительным тщанием неизвестный мастер вытесал каждый колосок в косах матери-Магдары, каждую чешуйку на доспехах защитника-Альроя, изгибалась, как живая, каменная кошка у ног вечно юной Синари, едва не шелестели страницы в книге Кальвея, и все они казались почти ожившими, готовыми вот-вот сойти на площадь и одарить город дуновением божественной мощи. Дьюар задержался, рассматривая изваяния, выискивая в каменных лицах то, за что их крепко невзлюбил наставник, и находя лишь преданную веру мастера. У ног статуй рассыпались свежесрезанные цветы, из окон храма, распахнутых по случаю хорошей погоды, долетали запахи благовоний и пение, причем то были единственные голоса, что слышались на улице – не иначе как большинство жителей преданно посвящали утренние часы молитвам, бросив все прочие дела. Дьюар подивился про себя, но внутрь он так и не зашел, свернув на соседнюю улицу, уходящую вниз, к торговым кварталам.

Требовательный кошачий мяв донесся до него из открытых ставень «Большой креветки Богора». Дьюар огляделся по сторонам, но «малой» нигде не увидел. Да и саму эту «креветку» он вообще представлял смутно – лишь по рассказам много путешествовавшего отца – и страшное, изогнутое закорючкой существо, распластавшееся на вывеске трактира, не признал. Оно, все в потеках бурой краски, вид имело жуткий, а огромные усищи и подавно придавали схожести с каким-нибудь заграничным гадом, что только и ждет, как бы сожрать душу или высосать кровь из наивной жертвы. Юношу передернуло.

Он прошел бы мимо, если бы не запах. Откуда-то из нутра таверны тянуло ароматом печеной рыбы с незнакомыми пряностями – так восхитительно, что желудок не замедлил отозваться голодным ворчанием.

«Ну ладно, – подумал Дьюар, поднимаясь на крыльцо, – не это же безобразие с вывески они подают на стол».

Внутри к запаху рыбы примешался еще один – только что поставленной выпечки.

Знакомые Дьюару трактирщики обожали вешать у себя над входом оленьи рога и волчьи головы, им казалось, что это украшает зал. Здесь место трофеев занимали панцири огромных крабов с клешнями вдвое большими, чем кулак взрослого мужчины, а вдоль дубовой стойки, у которой разливали пиво, тянулась затейливая мозаика из морских звезд и плоских раковин.

– Эй, хозяйва! – проходя вдоль пустого зала, окликнул Дьюар.

Стены отразили эхо его голоса, рассеяли под потолком, но не отозвались. Казалось, во всем здании нет никого, кроме серого мышелова, но ожидание вскоре вознаградилось появлением растрепанной девушки, пегой от мучной пыли, осевшей на ее каштановых волосах.

– Добро пожаловать в трактир Богора! А у нас ничего еще к завтраку не готово, – она виновато улыбнулась, от чего около рта проступили две очаровательные ямочки. – Если подождете чуток, окунь вот-вот дойдет.

Дьюар ошарашенно кивнул, и она, едва дождавшись этой реакции, упорхнула обратно на кухню, откуда затем раздалось бряцанье ложек. Вновь опустевший зал накрыло сонное утреннее марево, которое хозяйничало еще на всех улицах, включая неспешно бредущие от ворот приезжие караваны, пару раз попавшиеся Дьюару на глаза в районе складов.

Без дела он слонялся от одного живописно развешенного чучела к другому, рассматривая диковинных рыб и морских гадов, все время поглядывая в сторону кухни – не мелькнет ли вновь девичий силуэт, не покажется ли ее личико. Дьюар выбрал угловой стол, за которым в поле зрения попадало все помещение целиком, и примостился там. Время потянулось не в пример медленнее, увязая во все более аппетитных запахах с кухни, незнакомка больше не показывалась, и Дьюар начал думать, не бесконечно ли длится это «чуток».

Уединение его первым нарушил все тот же кот, шмыгнувший через порог с зажатой в зубах мышью. Добыча уже не трепыхалась, безвольно свешенный хвост волочился по полу, подобно измочаленному шнурку. Не обращая внимания на гостя, усатый охотник деловито протащил мышью под стол, облизнулся над ней, расставил лапы и уже приготовился начать трапезу, как вдруг тушка подскочила и, более того, хлестнула его хвостом по носу! Кот утробно, с завыванием, заурчал. Недоумение и обида в его округлившись глазах выглядели почти человеческими. Он изловчился, накрывая лапой резко прибавившую в изворотливости мышью, прижал ее к полу так, что послышался едва уловимый хруст. Обмякшее тельце лишь несколько мгновений пролежало неподвижно, позволив охотнику расслабиться, а потом вновь вскочило и обогнуло вокруг ножки стола, при этом вовсе не собираясь пускаться на утек. В очередной раз схватив маленькую серую тушку, догадливый кот поспешил отгрызть ей голову – в надежде, что теперь, наконец, сможет спокойно насладиться законным завтраком – но не тут-то было. Беспорядочно дергая вывихнутыми лапками, окровавленный комок меха засеменил под стол.

Дьюар приснул в кулак, когда вконец обалдевший кот подпрыгнул на месте, брякнулся о столешницу и с завыванием удрал куда-то в сторону гремевшей кастрюлями кухни.

Будто бы в ответ на весь этот шум, скрипнула дверь незамеченной за лестницей кладовой. Некромант по привычке сунул руку под стол, пряча от чужих глаз измазанные в крови пальцы, однако вышедший смотрел только себе под ноги. Двигался он неловко, слегка покачиваясь, да и выглядел тоже не лучшим образом: пестреющая пятнами рубаха сползла на одно плечо, обнажая острые ключицы и розовеющую сыпь на шее, глубоко запавшие глаза гноились и наверняка болели, потому что незнакомец попеременно тер их пальцами.

Прошаркав через весь зал, мужчина тяжело опустился на угловую скамью и с торопливой жадностью зачерпнул ковшом из бочки с водой. Прямо так, не утруждаясь поисками кружки, сделал несколько крупных глотков, оперся локтем о край столешницы, затем плеснул себе в лицо, отфыркиваясь и стирая с подбородка присохшие желтовато-бурые разводы. Еще некоторое время Дьюар наблюдал за тем, как он силится прийти в себя, трет глаза и тяжело, с присвистом, вздыхает, а затем человек как будто сдулся – сник еще больше, навалился на стол и через несколько вздохов затих совсем. Оловянный черпак с глухим стуком приземлился на пол, выпущенный из ослабевшей руки.

Потрясенный тем, как резко переменилось это мирное утро, Дьюар не сразу отреагировал. Еще со своего места он смотрел на незнакомца, только что проигравшего неравную борьбу с неведомой болезнью, и с возрастающим удивлением осознавал, что не чувствует запаха смерти. Конечно, не такого, что ощутим для всех – вонь разложения, крови и сырой могильной земли, – но того, что неизменно ведет родившихся с этим даром, что для них невозможно игнорировать, потому что оно затмевает любые чувства. Он напоминает запах увядших роз, смешанных с пеплом, и ощутим в любом месте, где прошла Извечная Госпожа – в любом, но не здесь.

С виду несчастный казался мертвым, даже грудь его почти не вздымалась от дыхания, и все же он еще принадлежал этому миру. Сердце упрямо продолжало биться, не принимая во внимание, что даже дух уже покинул полуразрушенную оболочку. Дьюар наклонился, всматриваясь в побледневшее лицо, от вида которого закололо кончики пальцев.

– Никогда такого не встречал, – пробормотал некромант, с недоумением дотрагиваясь до прохладного лба незнакомца. – Чтобы душа покидала живое тело...

Получив возможность получше рассмотреть больного, Дьюар понял, что тот никто иной как полуэльф – заостренные кончики по-человечески коротких ушей выдавали примесь чужой крови, однако слишком слабую, чтоб проявиться как-либо еще. Запавшие щеки покрывала вполне человеческая щетина, и ни одного родового рисунка, традиционного для детей лесов, не виднелось на коже.

– Что это ты делаешь? – с лица девушки, выглянувшей из кухни уже с подносом, медленно сползло радушие, сменяясь беспокойством. Она забыла и про поднос, резко отставленный на ближайший стол, и про гостеприимство, бросившись вперед почти бегом.

– Имрил... Ему что, стало хуже? – быстро обойдя отступившего Дьюара, девушка присела на колени около безвольно обмякшего тела, прикоснулась ладонью к жилке на шее и тут же сделала охранный знак правой рукой, заметно побледнев.

– Он жив, – заметив ее замешательство, пояснил Дьюар. – Пока жив, но я раньше не видел такой болезни.

– Разве ты лекарь?

Ее напряженный взгляд на миг тронула надежда, едва-едва прикоснувшись голубиными крыльями. Дьюар покачал головой, и девушка вновь понурилась, хорошенький рот предательски исказился, сдерживая скорбный стон.

– Мой наставник – маг, и о болезнях он знает много, – вырвалось само собой. – Если расскажешь побольше...

Слишком поздно он прикусил язык: она уже поверила, уже немного воспряла духом, и вновь рушить ее ожидания было бы преступно.

– Там его комната, – кивнув на узкую дверь, сообщила воодушевленная девушка.

– Помоги оттащить его обратно в постель, и мы поговорим.

Укладывая Имрила на смятый топчан в крошечной, хотя и на удивление обжитой комнате, Дьюар все украдкой поглядывал на собеседницу, пытаясь уловить в ней тот образ, похожий на маленькую птичку, который померещился ему в самом начале, когда девушка только выглянула из кухонной. Она уже отряхнулась от муки и раздумянулась от печного жара. Она была еще так юна – наверное, младше него самого – что все чувства ясно отражались на ее лице.

Она потупилась, когда наконец закончила хлопоты и уселась напротив Дьюара, и еще некоторое время теребила в руках подол фартука, собираясь то ли с мыслями, то ли с духом.

– Странно, что ты не слышал о нашей беде еще по пути в Эдорию, ведь мало какой дом в городе она обошла стороной. Некоторые жрецы утверждают, будто это гнев Магдары, павший на наши головы, но я думаю, что Пресветлая не стала бы столь жестоко наказывать детей... – голос ее все же надломился, хоть начинала она вполне бодро. – В нашу семью болезнь пришла пару седмиц назад, начиная с Реми. Он мал еще, жар быстро его одолел, уже пять дней вот так же, – она махнула рукой в сторону каморки, – не просыпается, как ни буди. И никто из уснувших тоже. Отец уехал в Лофар, говорят, у тамошних лекарей найдется средство от любого недуга, но до сих пор не вернулся. Теперь вот и Имрил...

Пальцы ее побелели сильнее, сжимая конец тесемки, которой был подвязан фартук, словно это хоть как-то могло помочь удержать страх и горе в себе.

– Наставник, о котором ты говорил, он целитель? Травник? Сможет помочь?

Дьюар вздохнул, засыпанный вопросами. О том, что Лардхельмский чернокнижник, как называли учителя не только в ближайших окрестностях башни, но и во многих отдаленных городах, может практически все, ходили легенды. Сам высокий совет Вассагских островов, оплота магов, признавал, что его способности и знания превосходят всех ныне живущих некромантов, а может быть, и не только ныне... Но вот самоотверженно и бескорыстно помогать кому бы то ни было, пусть даже кровной матери, совершенно точно входило в число тех немногих

вещей, на которые он был не способен. Впрочем, высказывать подобные соображения Дьюар не посмел, только покивал для успокоения.

– Думаю, он решил отправиться сюда именно потому, что услышал о вашей беде, – ни капли ни приврав, предположил Дьюар. – И уж наверняка разберется, чем на самом деле вызван недуг.

Теперь настала его очередь погрузиться в мрачную задумчивость, причиной которой было наспех данное обещание. Блестящий надеждой, почти восхищенный теплый взгляд карих глаз, безусловно, стоил этого, а заслуженная благодарность стоила бы всех усилий – Дьюар не сомневался, но неизменно заходил в тупик при мыслях о том, как бы убедить наставника вмешаться.

Он даже отказался от все-таки предложенного завтрака, поскольку теперь кусок в горло не лез – последнее наказание за самовольные решения Дьюар помнил отчетливо, пожалуй, слишком отчетливо для случившегося более года назад.

– Еще увидимся, – собираясь уходить, он замер на пороге немного неловко, но она, к счастью, поняла заминку.

– Меня зовут Марелла, дочь Богора. Если понадобится, то я всегда буду здесь, ведь до возвращения отца или пока не очнется Имрил – я одна присматриваю за таверной.

– Увидимся, Марелла. Как только я что-нибудь узнаю, то обязательно сообщу.

Теперь его не удивляло ни отсутствие людей на улицах, ни тишина, все еще висящая над Эдорией даже после того, как солнце поднялось выше крыш. Двери некоторых лавочек приоткрылись, но даже около них не случилось наблюдать большого оживления, а за весь обратный путь к постоялому двору, который Дэрейн выбрал в качестве временного пристанища для себя и ученика, Дьюар встретил всего четверых прохожих.

Похоже, хозяин этого места старался оградиться от гуляющей по городу болезни всеми силами: даже окна первого этажа никто не потрудился открыть, и внутри оставалось столь же душно, как и ночью. Пожилой мужчина, управляющий постоялым двором, неспешно мешал ложечкой чай, пододвинув к себе единственную зажженную лампу.

– А твоего мастера нет – ушел, когда придет – не сказал, – не поднимая головы, сообщил он юноше. – Ключ, если надо, там, на стене.

Неопределенный жест ладонью в сторону деревянного шкафчика завершил короткий монолог, после чего управляющий полностью перестал обращать внимание на гостя, переключившись на лежащий перед ним поднос с баранками.

Дьюар без спроса стащил с крюка лампу, сам зажег ее и, выпутав из связки ключей нужный, отправился наверх. Отсутствие наставника, как ни странно, его воодушевило – раз Дэрейн отправился куда-то по делам, все дело становилось куда проще, чем сперва показалось.

Приоткрыв дверь, он сначала помедлил на пороге, осторожно вглядываясь в ничем не примечательную с виду обстановку комнаты. Кровать тут стояла точно такая же, как и у него самого, жесткая и застеленная линялым покрывалом; запахнутое окно впускало свежий воздух и солнечный свет, несмело выползающий за порог, во тьму коридора; на маленьком квадратном столике примостилась будто специально оставленная на виду дорожная сумка.

Помятуя о привычке наставника навешивать сигнальные чары на все свои вещи, Дьюар очень осторожно осмотрел и стол, и сумку на нем, но с удивлением не обнаружил ничего подозрительного. Неужели собирается вернуться так скоро, что не стал принимать никаких мер? Торопливо прикрыв за собой дверь и задув лампу, Дьюар кинулся к столу.

Иной раз, когда наставник доставал из своей сумки самые неожиданные предметы, чудилось, что она вовсе бездонна. На деле все оказалось аккуратно разложено по множеству кармашков и отделений так, что дневник с рабочими записями не пришлось даже искать – он лежал почти с краю, для верности перетянутый толстым воощенным шнуром. Почти с благоговением и величайшей осторожностью – мало ли что безумный старик припрятал меж страниц – Дьюар раскрыл тетрадь, спешно пробегая глазами убористые строки виссанских рун. Страх быть замеченным бился в висках гулким эхом сердца, ни на мгновение не давая расслабиться, но сколько же всего любопытного здесь нашлось! Взгляд невольно зацепился за страницу, на которой жирными чернильными линиями был вычерчен конь с пришитыми к голове бараньими рогами. Ниже значились формулы не на виссанском даже, а на еще более древнем, незнакомом Дьюару языке. С соседнего разворота на юношу взглянуло еще более странное создание: ящер, чей шипастый череп странным образом держался на длинной шее, а почти драконье чешуйчатое тело оканчивалось мохнатым хвостом с перьями. Животные, которые по всем законам природы не могли жить, занимали добрых два десятка страниц. Каждую картинку сопровождало длинное описание, какие-то поясняющие схемы и магические руны.

С некоторым сожалением Дьюар пролистал все это – изыскания наставника в области создания химер манили своей запретностью и уникальностью, но в той же мере были непонятны, а стало быть, бесполезны в данный момент. Остановился он на упоминании Загранья. Того самого обиталища мертвых, с которым уже столько лет учился взаимодействовать, и почему-то именно на нем незримый толчок интуиции дал повод задуматься. Внизу этой страницы совсем мелко, едва разборчиво, было приписано свежими чернилами: «Червецы не уходят с уничтожением печатей».

Вытянутое ухо само по себе дернулось, выражая нетерпение хозяина. Он читал, перескакивая со строчки на строчку, постепенно понимая, о чем идет о речь.

«Червецы нападают на тех, чье тело ослаблено, и утаскивают душу в Загранье. Вернуться назад без посторонней помощи потерянные духи не могут, путь к мертвым для них закрыт, и вскоре они растворяются в самой материи окружающего безмирья. Вызвать червеца можно особым ритуалом...»

Меж лопаток неприятно засвербило. Даже в то мгновение, когда еще не успело прийти понимание, что это за чувство, Дьюар успел ощутить укол страха. Захлопывая тетрадь и медленно, нехотя оборачиваясь, он уже знал, что встретится взглядом с глубокой зеленью зрачков наставника.

– Что ты забыл в моей комнате? – холодно спросил Дэрейн. Любой бы обманулся безразличностью его тона, как будто даже сквозящей ленцой, но Дьюар слишком много раз слышал это.

– Я хотел знать, можно ли вернуть души, которые утащил червец, – честно признался юноша. Врать или умалчивать он сейчас просто не мог: язык развязывался сам, и в каждый такой момент Дьюар не мог понять, действие это особой магии или просто страх перед некромантом с дурной славой.

– И что, узнал?

Дэрейн протянул руку за тетрадь, и ученик не посмел перечить наставнику, тут же вернув без спроса взятую вещь.

– Я не успел дочитать, что именно червец делает с ними после того, как утащит в Загране.

Правая щека Дэрейна, обезображенная старым ожогом, скривилась, выражая презрение, а тон, кажется, стал еще холоднее.

– Ты прочитал слово «червец», но даже не заметил следов на самих телах. Ты вообще потрудился осмотреть хоть одно тело, или тебе хватило слухов от базарных сплетниц?

Оправдания не нашлось, да Дьюар и не желал оправдываться. Вместо этого кончики длинных ушей пристыженно порозовели: в памяти, стоило подумать о недавнем происшествии, всплывало хорошенькое личико девушки-воробушка, а вовсе не сам пострадавший.

– Так иди и узнай, а не задавай мне глупых вопросов. Ты не ребенок, Дьюар. Теперь – вон из моей спальни.

Он, как нашкодивший мальчишка, стремглав вылетел в коридор. В полутьме казалось, что взгляд наставника все еще буравит спину, подгоняя вперед, но, выйдя на воздух, Дьюар вновь замялся, не зная, куда поворачивать дальше. Возвращаться в трактир, не принеся достаточно значимого результата, было никак нельзя – только представив, как будет выглядеть при этом, Дьюар отмел подобный вариант начисто.

Дорогу он выбирал бездумно, и она сама повела его к рыбацкому кварталу – тому, где пахло свежей рыбой, а на близких к побережью улицах крыши белели от сидящих на них чаек. Здесь было куда оживленнее: бедняки не могли позволить себе прохладиться, забросив работу до того, как страшная болезнь схлынет. То и дело по пути попадался кто-то с кучей снастей или ведром свежей рыбы; на углу сапожной лавки мальчишки варили крабов, разложив костер в неглубокой ямке и повесив над ним котелок; у одного из совсем покосившихся домов сморщенный старик чинил небольшую лодчонку.

Здесь несло смертью. Дьюар, проходя мимо длинных двухэтажных барачков, в которых люди жили тесно, подобно муравьям, чувствовал, что за последние недели в них умирали не раз и не два, умирали не всегда мирно. Замшелые стены хранили память о многих смертях и горе, среди них было не понять, кого поразило заграничное существо, а кто умер по вполне зем-

ным причинам. Но дальше, там, где лачуги стояли поодиночке, практически за чертой города, ощущения обострялись и разделялись, уловить их изменения стало гораздо проще.

Дьюару не пришлось идти далеко. Уже около третьего с краю домишки он ощутил странную сосущую пустоту, как будто там притаилась воронка зыбучего песка. Это ощущение отчетливо напоминало то, которое исходило от больного полукровки в таверне, теперь Дьюару удалось вспомнить, на что оно было похоже. Следуя за ним, молодой некромант поднялся на шаткое крыльцо, постучал и, не дождавшись ответа, вошел сам.

Дверь была не заперта, внутри дома явственно ощущался запах затхлости, пыли и болезни. Стояла такая тишина, что в первый момент Дьюару почудилось, будто он здесь совсем один, но, пройдя через всю комнату, он заметил кровать, притулившуюся к самому боку нетопленной печи. На кровати среди смятых шерстяных одеял лежала старуха. Лицо ее, изборожденное глубокими морщинами и темными пятнами, носило отпечаток сильного истощения, сухие руки, сложенные на груди, казались восковыми. Сон этой женщины походил на вечный, и все же благодаря своему дару Дьюар даже на расстоянии ощущал, что она жива – телом, по крайней мере, потому что духа ее здесь не было, точно так же, как и духа Имрила. Было нечто иное...

Шагнув ближе, Дьюар всмотрелся. Не столько глазами рассматривая худошавый лик, сколько даром прощупывая лежащее перед ним тело. Жизни в нем осталась совсем капля, и некроманта это бы ничуть не удивило – любой видел, что свой век женщина проводила, как если бы тонкая нить ее сил не тянулась куда-то... к кому-то, прячущемуся под печью.

Дьюар вскинулся. Посторонняя сущность, не этому миру принадлежащая, смотрела на него без всякого страха. Мурашками по коже прокатилось неприятное чувство, будто нечто липкое и холодное прикоснулось да отпрянуло, исчезло, оставив слабый след. Этот самый «след», незримый, но хорошо ощутимый, опутал и старуху, и ее постель, и даже комнату вокруг. Теперь, зная, что искать, Дьюар мог различить его повсюду.

– Червец, значит? – пробормотал он себе под нос, особенно внимательно изучая то место, где заметил тварь. Той там, конечно, уже не наблюдалось, она сбежала, оставив сочащуюся жизненной силой магическую рану на теле, которым кормилось. Незаметная для простого человеческого взгляда, эта прореха медленно убивала свою носительницу.

Дьюар склонился над ложем, всмотрелся пристально. Задумался. Если ничего не сделать – бабка окончательно умрет, и так уже слаба совсем, сердце едва бьется. Но в арсенале некроманта, известном ему, не было ничего, пригодного для лечения, и уж тем более для восстановления тонких материй, а заглянуть в свои записи еще разок наставник вряд ли позволит. Он должен был придумать выход сам.

Время неумолимо гнало свою колесницу навстречу, грозясь на ходу раздавить всю надежду и решимость. В иные дни оно могло стать ценным союзником, но и враг из него был отменный. Время не щадило, ровно как и Госпожа, которую всюду именовали Извечной, Дьюар уже ощущал отголоски ее дыхания, от которого кровь стыла в жилах даже у него самого, почти сроднившегося с этой холодной, равнодушной силой. Разорванные нити жизни выглядели как прозрачная паутина. Даже различить их было непросто, а уж поймать пальцами и связать вместе – задача из тех, что вовсе не имеют единственно верного решения. Дьюар старался, но даже он понимал, что сделанное им продержится недолго, лишь отсрочив конец, но более нечего было придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.